

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Историософские проблемы русской мысли Нового времени

Е. В. Корень

Для цитирования: *Корень Е. В.* Историософские проблемы русской мысли Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 242–258.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.114>

В статье рассматриваются историософские проблемы русской мысли Нового времени. Период XVIII — первой четверти XX в. характеризуется интенсивным развитием исторического самосознания русской культуры. Философско-историческая проблематика русской мысли была обусловлена особенностями духовной и общественно-политической жизни, развития национального и гражданского самосознания общества, формирования интеллигенции. Ведущие историософские проблемы русской мысли с XIX в. — это осмысление судеб и роли России в мировом историческом процессе, раскрытие смысла истории (и как общечеловеческого процесса, и как знания), анализ вариантов социального развития, определение критериев прогресса (в том числе морально-эстетических), выяснение роли личности и народа в истории, постижение смысла человеческого бытия. Ряд историософских вопросов обозначился еще в русле идейных исканий более раннего времени (например, в христианско-православной эсхатологии и сотериологии). В определенной мере историософские идеи повлияли и на развитие собственно исторической науки в России (историографии, источниковедения, методологии исторического исследования). Философия истории была взаимосвязана с онтологией, антропологией, тяготела к метаистории. Одной из актуальнейших для русской историософии явилась проблема смысла истории, которая привлекала внимание историков, философов и других деятелей культуры в контексте размышлений о сущности, содержании, критериях, движущих силах исторического развития, о специфике исторического познания, о политическом и нравственном значении исторической памяти.

Елена Васильевна Корень — канд. ист. наук, доц., Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Республика Беларусь, 246028, Гомель, ул. Советская, 104; elena.k.v@mail.ru

Elena V. Koren' — PhD (History), Associate Professor, Francysk Skaryna Gomel State University, 104, ul. Sovetskaya, Gomel, 246028, Republic of Belarus; elena.k.v@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Проблема смысла истории зачастую раскрывалась в морально-религиозном контексте, во взаимосвязи с духовно-нравственной проблемой смысла человеческой жизни. В сочинениях П. Я. Чаадаева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина и других русских мыслителей были высказаны замечательные идеи о социально-антропологическом и нравственном смысле истории (как бытия и знания), сохраняющие значение для современных философско-исторических исследований, духовно-ценностного самоопределения личности и общества.

Ключевые слова: историософия, философия истории, историческая память, историческое самосознание, смысл истории, смысл жизни.

Historiosophical Problems in Russian Thought in the Modern Time

E. V. Koren'

For citation: Koren' E. V. Historiosophical Problems in Russian Thought in the Modern Time. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 242–258.

<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.114> (In Russian)

The article deals with the historiosophical problems of Russian thought in the Modern time. The historiosophical problems of Russian thought were determined by the peculiarities of spiritual and socio-political life, the development of national and civil consciousness of society, the formation of the intelligentsia. The major historiosophical problems of Russian thought since the XIX century have been the reflection on the fate and role of Russia in the global historical process; conceptualization of the meaning of history; analysis of social development options; the definition of progress criteria; the clarification of the role of an individual and people in history, understanding of the meaning of human existence. A number of historiosophical issues were identified in ideological searches of earlier times. Historiosophical ideas also influenced the development of historical science in Russia. The history of philosophy was interconnected with ontology and anthropology, gravitating towards metahistory. One of the most relevant problems for the Russian historiosophy was the meaning of history, which attracted the attention of historians, philosophers and other cultural leaders, in the context of the essence, content, criteria, driving forces of historical development; specifics of historical knowledge; political and moral significance of historical memory. The problem of the meaning of history was often revealed in moral and religious contexts, in connection with spiritual and moral problems of the meaning of human life. In the works of Russian thinkers, the remarkable ideas were expressed about socio-anthropological and moral meaning of history, which retain their significance to modern philosophical and historical research, to the spiritual and value-based self-determination of an individual and society.

Keywords: historiosophy, philosophy of history, historical memory, historical self-awareness, the meaning of history, the meaning of life.

В русской культуре Нового времени вопросы истории занимали весьма значимое место. Развитие исторического самосознания общества происходило во взаимосвязи с развитием его национального и гражданского самосознания, с поисками национально-культурной идентичности. От эпохи Петровских реформ первой четверти XVIII в. до революций первой четверти XX в. историческое самосознание русской культуры стараниями многих представителей духовно-интеллектуальной элиты проделало стремительную эволюцию. Если к началу XVIII в. историография в России была представлена в основном летописными сводами, сочинениями церковных и светских авторов по отдельным проблемам, то в течение XVIII–

XIX вв. было создано большое количество фундаментальных трудов по истории России (М. М. Щербатовым, В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским и др.). Усилиями просветителей, историков, археографов (Н. И. Новикова, П. М. Строева, Н. Н. Бантыш-Каменского, М. Ф. Владимирского-Буданова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.), меценатов Н. П. Румянцева, А. И. Мусина-Пушкина и других опубликованы солидные собрания исторических источников¹. Исторические исследования осуществлялись не только в университетах и академиях наук, но и в разного рода просветительских, научных, литературных обществах. По тематике изданных трудов можно проследить ход научной мысли и состояние исторического сознания общества². М. О. Коялович отметил, что «литература русской истории — это история русского научного сознания. Из нее мы можем увидеть, как в течение веков нашей исторической жизни понимались события — явления этой жизни. Это существенным образом облегчит нам и наше фактическое знание и наше понимание своего прошедшего. Наконец, научное знание истории требует, чтобы мы не только изучали события, но и знали, из каких источников почерпнуто наше знание и какими научными приемами мы руководствуемся, когда добываем это знание, когда так или иначе понимаем факты и делаем из них те или другие выводы»³.

К концу XIX в. философско-историческая мысль, представленная различными направлениями, достигла в России высочайшего уровня. Историческая литература печаталась немалыми тиражами в издательствах А. Ф. Смирдина, М. О. Вольфа («Живописная Россия»), Ф. Ф. Павленкова (позже — серия ЖЗЛ) и т. д. и пользовалась большим спросом⁴. Исторические факты и образы, историософские размышления составляли солидную часть содержания художественной литературы, живописи и других искусств. Исторической тематикой была проникнута эстетика разных идейных течений: либерально-реформистских, консервативных, революционно-демократических, религиозно-философских. Интерес к истории, историзм можно признать важной чертой менталитета русской интеллигенции. По мнению И. В. Кондакова, история русской культуры предстает «как феномен культуры — как совокупность социокультурных проектов, программ... идей и образов, ментальных и иных смысловых структур, порожденных историками и философами, художниками и религиозными деятелями, политиками и учеными». Понимание истории «зависит от рефлексивного осмысления общей логики русской культуры»⁵.

Философская и общественно-политическая мысль в России XIX — первой четверти XX в. тяготели к историософии, сосредоточивались на проблемах онтологических и метаисторических, на вопросах о сущности, смысле, цели и нравственных критериях исторического процесса, на анализе *проблем человека в истории, то есть исторической роли и ответственности личности, на вопросах об истинных и ложных ценностях и идеалах*. Историософичность русской мысли, ее социальную и моральную окрашенность отмечали Г. В. Флоровский, В. В. Зеньковский, Н. А. Бер-

¹ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 63, 77–79.

² Там же. С. 68–69.

³ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 38–39.

⁴ Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб., 2002. С. 94–94, 106, 378–390.

⁵ Кондаков И. В. Культура России. М., 2000. С. 27.

дьяев и др.⁶ В. В. Зеньковский, исследуя историю русской философии, констатировал «антропоцентризм русских философских исканий», поскольку философия «больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории», в ней доминирует «моральная установка», в «анализ исторической действительности привносится оценочный момент»⁷. Как пишет А. В. Малинов, «по сравнению с другими отраслями философского знания философия истории разработана в русской философской традиции более подробно и более основательно. Многие философские проблемы переходят в проблемы историософские, именно отвечая на историософские вопросы, русские мыслители смогли заговорить “в полный голос”, именно в историософских построениях они смогли в полной мере реализовать себя в качестве философов». Исследователь отмечает «литературоцентричность русской философии, ее связь с социально-политическими и религиозными идеями». Это «сказывается и в философии истории, но не подавляет философскую проблематику, а органично переплавляется в историософские построения. Русская философия истории открыта многим веяниям, граничит со многими другими, часто далеко не философскими науками, что, несомненно, придает ей известное многообразие и богатство, но при этом содержание философии истории не подменяется заимствованиями из других дисциплин»⁸.

Повышенный интерес к прошлому, к философскому анализу истории имеет личностно-психологические и социокультурные основания. В личностном плане историософские поиски объясняются тем, что историческая реальность предпослана человеку как объективное условие его индивидуально-личностного существования, требующее осмысления⁹. Обстоятельства Нового времени — динамичной и противоречивой эпохи в истории России — усиливали насущную потребность людей в опыте прошлых поколений для осознания собственного места в общем потоке социально-исторического бытия, для уяснения своей жизненной задачи. В социокультурном аспекте высокое общественное значение истории было обусловлено спецификой государственно-политического, социально-экономического, духовно-культурного развития России в XVIII–XIX вв., формированием национального самосознания («национально-исторического самонахождения», по удачному определению Г. В. Флоровского), постановкой в интеллектуальной среде общества проблем национально-культурной идентичности¹⁰. Нельзя не согласить-

⁶ Флоровский Г. В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 272, 286; Зеньковский В. В. История русской философии // Там же. С. 379, 385; Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Там же. С. 71; Панарин А. С. Философия истории. М., 1999. С. 130–132; Безлепкин Н. И. Историософская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 2. С. 151, 155–156; Бутаков Я. А. Историософия. URL: <http://www.pravaya.ru/govern/392/2096> (дата обращения: 26.02.2019); Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 1. С. 149.

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 384–385.

⁸ Малинов А. В. Философия и методология истории в России. СПб., 2015. С. 3.

⁹ Губин В. Д., Стрелков В. И. Власть истории. Очерки по истории философии истории. М., 2007. С. 8; Желтикова И. В. Специфика историософии в русской религиозной философии (конец XIX — нач. XX в.): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Орел, 1998.

¹⁰ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 274; Кондаков И. В. Культура России. С. 24, 27; Безлепкин Н. И. Историософская традиция в истории отечественной. С. 155–156; Панарин А. С. Философия истории. С. 139–141; Желтикова И. В. Специфика историософии в русской религиозной

ся с мнением авторов книги «Власть истории», что философия истории «является дочерью перемен», поскольку «в эпоху перемен время приобретает упругость. Изменчивость оказывается злобой дня». «Текучесть человеческой жизни делается явной. Историческое бытие превращается в проблему для философа»¹¹. К историко-софской рефлексии располагали переменчивость и противоречивость российской жизни от эпохи реформ Петра I до революций первой четверти XX в., большое количество крупных исторических событий, фактов личностного влияния на эпохальные процессы и судьбы целых народов¹². Не случайно интерес к истории возростал в периоды внутри- и внешнеполитических конфликтов, мировоззренческих кризисов. Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, характеризуя в 1832 г. свой век как исторический «по превосходству», писал: «мы живем в веке романтизма... в веке историческом... История была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно... скоро история обращалась сказкою. Теперь иное. Теперь история не только в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно». «История — половина наша во всей тяжести этого слова», — подчеркнул он¹³. В последней фразе писатель-романтик удачно зафиксировал такую характерную черту самосознания русской интеллигенции, как острое и глобальное чувство истории (и как процесса, и как особого типа знания — о роли человека в историческом процессе), о духовно-нравственном значении исторической памяти. Универсализм исторического мышления русской интеллигенции отмечают многие исследователи¹⁴.

Одной из первых и важных историко-софских проблем русской мысли было выяснение смысла человеческой истории вообще и смысла русской истории в частности. Надо признать, что категория «смысл истории» во многом была связана с религиозной христианской концепцией земного исторического процесса, с эсхатологической историософией, сотериологией, которые в русской духовно-культурной традиции восходят еще к эпохе утверждения христианства, с поисками социального идеала¹⁵. Но в философско-исторической мысли XIX в. вопрос о смысле истории приобрел новое общественно-культурное и научно-методологическое значение. Русские мыслители много внимания уделяли проблемам своеобразия национально-исторических судеб народов, моральным и эстетическим критериям исто-

---

философии (конец XIX — нач. XX в.); Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 150.

¹¹ Губин В. Д., Стрелков В. И. Власть истории. С. 8.

¹² Там же. С. 2, 8; Кондаков И. В. Культура России. С. 20–22; 28–30; Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 149–152; Панарин А. С. Философия истории. С. 139, 141, 149, 151.

¹³ Бестужев А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 136–137.

¹⁴ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 56, 69, 71–72; Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 150; Безлепкин Н. И. Историко-софская традиция в истории отечественной мысли. С. 153–154; Сиземская И. Н. Русская философия истории в поисках целостности исторического бытия (первая половина XIX века) // Философские науки. 2012. № 1 С. 115–128; Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб., 2014. С. 6, 9, 11, 203.

¹⁵ Безлепкин Н. И. Историко-софская традиция в истории отечественной мысли. С. 152; Сиземская И. Н. Историко-софские истоки и смыслы отечественной философии истории // Философские науки. 2018. №7. С. 7–23; Малинов А. В. Философия и методология истории в России. С. 7–8.

рии¹⁶. «В русской философии истории история рассматривается и как этическая, и как антропологическая, и как онтологическая, и как эпистемологическая проблема», — отмечает А. В. Малинов¹⁷. В этом плане получили развитие также историософские идеи богочеловечества, теургии или творчества истории, идеи национально-культурного аспекта истории, происходило обоснование русской идеи и др.¹⁸

Рассматривая идеи о смысле истории, высказанные в русской философии истории Нового времени, нужно выделить два аспекта: 1) раскрытие смысла и движущих сил самого исторического процесса как смены этапов жизни человечества в различных масштабах; 2) осмысление истории как особого типа знания, как науки, как способа мышления, раскрытие духовно-культурного значения исторической памяти. В целостных философско-исторических концепциях эти аспекты, как правило, находили взаимосвязанное выражение. Например, историк-медиевист и философ Л. П. Карсавин в качестве основных задач философии истории назвал исследование первоначал исторического бытия и исторического знания, отношения их к абсолютному бытию, а также «познание и изображение конкретного исторического процесса в его целом, раскрытие *смысла этого процесса*». «В своем определении мы исходим из неразрывной связи между бытием и знанием, которое является модусом первого, и сохраняем таким образом укоренившуюся в обычном словоупотреблении двузначность термина “история” (история есть и процесс исторического бытия и наука о нем)», — отметил мыслитель¹⁹. И. Н. Сиземская выразила обоснованное мнение, что «в исследовательском контексте Любомудров проблема целостности исторического процесса предстала как *проблема исторического знания*, во-первых, в связи с вопросом о его возможностях как метода реконструкции исторических событий, во-вторых, в связи с выяснением роли философии в истолковании последних»²⁰.

Увеличению в XIX столетии возможностей углубленного философского анализа истории способствовало интенсивное развитие исторических наук (историографии, источниковедения и др.), выявление и публикации исторических памятников и документов, создание фундаментальных трудов по русской и всемирной истории. Например, «История государства Российского» Н. М. Карамзина существенно повлияла на ход общественной и научной исторической мысли, на размышления о специфике русской истории во всемирном контексте²¹. В трудах С. М. Соловье-

¹⁶ Безлепкин Н. И. От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 119–132; Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия. С. 11, 15, 57.

¹⁷ Малинов А. В. Философия и методология истории в России. С. 10.

¹⁸ Ломоносов А. Г. Основная проблема русской историософии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnaya-problema-russkoy-istoriosofii/viewer> (дата обращения: 15.07.22); Кочеров С. Н., Париков О. В., Кондратьев В. Ю. Философия русской идеи. Н. Новгород, 2018; Родюков А. Ф. Русская философия о роли личности в истории государства. СПб., 2013; Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 2003; Шепелева В. Б. Историософско-антропологические поиски на почве русской ментальности в конце XIX — XX вв. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofsko-antropologicheskie-poiski-na-pochve-russkoy-mentalnosti-v-kontse-xix-xx-vv> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 15, 17.

²⁰ Сиземская И. Н. Русская философия истории... С. 120.

²¹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 286; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. С. 206; Кондаков И. В. Культура России. С. 190–191; Сиземская И. Н. Историософские истоки и смыслы отечественной философии истории. С. 13.

ва, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, М. М. Стасюлевича, В. И. Герье и многих других историков, кроме раскрытия содержания, фактов истории, был предпринят теоретико-методологический анализ сущности истории, движущих сил, различных факторов исторического процесса²². Историография и историософия в России тяготели к политической и социальной проблематике, к исследованию отношений власти и общества. В. Г. Базанов отметил, что «декабристы-романтики тревожили прошлое в интересах настоящего»²³. Так, декабрист М. С. Лунин подчеркивал, что «история должна служить не только для любопытства или умствований, но путеводить нас в высокой области политики»²⁴. Г. В. Вернадский, анализируя русскую историографию пореформенной эпохи 1860–1870-х гг., заметил, что «освобождение крестьян создало целую школу русских историков, сосредоточивших свое внимание на истории крестьян и крестьянского вопроса»²⁵.

История часто рассматривалась как источник общественно-политического и духовного опыта. По Н. М. Карамзину, подчеркивавшему практическое значение исторического знания, история — это «священная книга народов», «зерцало бытия и деятельности» народов, «скрижали откровений и правил», помогающих прояснить настоящее и предвидеть будущее. Кроме того, история дает человеку утешение и надежду в «государственных бедствиях», питает нравственное чувство, воскрешая прошлое, она «расширяет пределы нашего собственного бытия». Ведь «мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна», — писал он²⁶. В «Записке о древней и новой России», адресованной императору, историограф обосновал ценность исторической памяти: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее». Он убеждал императора в необходимости принимать во внимание исторический опыт и специфику страны²⁷. Как считает И. Н. Сиземская, Карамзин сделал первую попытку представить Россию в непрерывном *потоке перемен*, соединить исторические события внутренними взаимосвязями²⁸. Карамзин, скрупулезно воссоздавая прошлое России, уделял немало внимания и историософским аспектам этого познания.

В. О. Ключевский, оценивая социально-прогностический потенциал истории, высказал аргументированное мнение, что исторический опыт особенно ценен в политике, которая должна быть, в сущности, «прикладной историей». Выдающийся историк аргументированно обосновывал большое социальное и нравственное значение исторического познания. «Предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неоконченный процесс, как великий закон». «Изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случай-

²² Вернадский Г. В. Русская историография. С. 72–73, 133–137, 188–190; Безлепкин Н. И. Историософская традиция в истории отечественной мысли. С. 156–159; Малинов А. В. Философия и методология истории в России. С. 9–10.

²³ Базанов В. Г. Ученая республика. [Вольное общество любителей российской словесности.] М.; Л., 1964. С. 268.

²⁴ Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 66.

²⁵ Вернадский Г. В. Русская историография. С. 69.

²⁶ Карамзин Н. М. История государства: в 4 кн. Кн. 1. Ростов н/Д, 1989. С. 72.

²⁷ Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н. М. История государства Российского. Приложение. Ростов н/Д, 1990. С. 472–530.

²⁸ Сиземская И. Н. Историософские истоки и смыслы отечественной философии истории. С. 13.

ностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться», — полагал мыслитель²⁹.

История, по мнению Ключевского, «проучивает» игнорирующих ее уроки. Раскрывая уроки прошлого, на основе всестороннего анализа развития российского государства и общества, ученый достаточно ясно спрогнозировал революционные процессы, поскольку государственно-бюрократическая система перестала удовлетворять потребностям жизни, социально-экономическим, политическим, культурным запросам общества³⁰.

Исследователь истории интеллигенции Г. П. Федотов, осмысливая в послереволюционное время проблемы и перспективы национально-культурного развития России, подчеркнул, что «первый долг для нас — долг самопознания — упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого»³¹.

Актуализация историософских вопросов происходила в периоды общественно-политических, духовно-мировоззренческих кризисов. Так, знаковыми вехами для становления русского исторического самосознания явились Отечественная война 1812 г., события междоусобия 1825 г. и восстания декабристов, реформы 1860–1870-х гг. Г. В. Флоровский обратил внимание, что в период царствования Александра I актуальной была тема России в Европе, места России в общей схеме всемирной истории. С этого времени *историософия русской судьбы* стала основной темой русской философской мысли³².

Декабрьские события 1825 г. (междоусобие, восстание декабристов) явились новым толчком к переосмыслению исторического пути России³³. Характеризуя русскую мысль 1820–1830-х гг., Г. В. Флоровский подчеркнул, что философия в России родилась «из историософского изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья»³⁴. Ю. И. Семенов не без оснований считает, что «оригинальная философско-историческая мысль зарождается в России лишь в 30-е годы XIX в. Толкала русских мыслителей к постановке философско-исторических проблем вовсе не нужда научного исторического исследования. Главной проблемой, над которой они бились, был вопрос о том, куда идет Россия, какое будущее ее ожидает. А для решения этого вопроса нужно было знать и прошлое, и настоящее России»³⁵. В 1830-е гг. П. Я. Чаадаевым в «Философических письмах» была обозначена проблема смысла России во всемирно-историческом плане, развернулись дискуссии между славянофилами и западниками, предлагавшими противоположные суждения об историческом пути России в связи с мировым процессом³⁶. Вопросы о смысле истории и исторической судьбе России

---

²⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 366, 375.

³⁰ Там же. 341–361; Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб., 2014. С. 186.

³¹ Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. С. 449.

³² Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 286.

³³ Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 3–8, 215.

³⁴ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 274.

³⁵ Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 153–154.

³⁶ Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996. С. 42–44, 75–76; Рудницкая Е. Л. Поиск пути. С. 169–170; Губин В. Д., Стрелков В. И. Власть истории. С. 2; Безлепкин Н. И.

активно обсуждались интеллектуалами в ситуациях реформ, войн и революций второй половины XIX — первой половины XX в.

Поиски смысла истории в русской философско-исторической мысли имели социально-антропологическую, морально-религиозную направленность. Историко-софские концепции «в разные исторические периоды создавали в общественном сознании самые разнообразные историософские картины мира — от сугубо религиозных истолкований исторического процесса до сциентистски ориентированных на какую-нибудь иную “веру” — в прогресс, глобализм, коммунизм и т. п.», — отметил Н. И. Безлепкин³⁷. Просветительские, либеральные, революционно-демократические теории смысл истории ассоциировали с просвещением, социальным прогрессом³⁸. Декабрист Н. М. Муравьев в критических заметках по поводу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина обосновывал идею, что история играет «просветительную», воспитательную роль, «возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле»³⁹. В религиозно-философских учениях смысл истории представлялся провиденциальным, связанным с богочеловечеством (с достижением Царства Божиего) или с победой над смертью, как в учении Н. Ф. Федорова⁴⁰. Как бы то ни было, в центре философско-исторических построений русской мысли всегда оказывались проблемы человека в истории, утверждение моральных ценностей, социальной справедливости⁴¹. По наблюдению В. В. Зеньковского, русская философская мысль, сосредоточенная на проблемах «исторической судьбы» человека, смысла и цели истории, занималась анализом и моральной оценкой эсхатологических и историософских учений и утопий от XVI до XIX в.⁴² Историко-софские поиски «смысла истории», острые дискуссии об историческом развитии и перспективах России были очень плодотворны для исторической науки, развития историографии и методологии истории. Проблема «смысла истории» в русской философии стала одной из центральных уже в XIX столетии. Ее анализ способствовал синтезу историософских, этических, психологических и других гуманитарных исследований. Идеи о «смысле истории», выраженные русскими мыслителями, не утрачивают и поныне своей актуальности⁴³. Наиболее глубоко проблема смысла истории исследовалась в сочинениях П. Я. Чаадаева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, А. Н. Бердяева, Л. П. Карсавина.

Историософская традиция в истории отечественной мысли. С. 157; Семенов Ю. И. Философия истории. С. 154–158.

³⁷ Безлепкин Н. И. Историософская традиция в истории отечественной мысли. С. 154.

³⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 69, 71, 266; Кузнецов Ю. В. Историософские воззрения русских революционеров-демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14, № 1. С. 174–178.

³⁹ Муравьев Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1990. С. 170–173.

⁴⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 227–230; Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 352–363, 371, 375.

⁴¹ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 96–98; Безлепкин Н. И. Историософская традиция в истории отечественной мысли. С. 154–155; Сиземская И. Н. Русская философия истории... С. 117.

⁴² Зеньковский В. В. История русской философии. С. 384, 385.

⁴³ Корень Е. В. Идеи о смысле истории в русской философско-исторической мысли Нового времени // Многомерность и полифункциональность культуры. Гомель, 2020. С. 45–56.

П. Я. Чаадаев, видя в истории «ключ к пониманию народов», пытался в своих «Философических письмах» сопоставить исторический опыт России и Европы, раскрыть вселенскую миссию России⁴⁴. В опубликованном «Философическом письме» он выразил глубокое разочарование в исторических перспективах России, заявляя, что «исторический опыт для нас не существует»⁴⁵. Опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп» письмо произвело в обществе, по определению А. И. Герцена, эффект «выстрела, раздавшегося в темную ночь»⁴⁶. Чаадаев придерживался позиции исторического провиденциализма, полагал, что смысл истории определяется Божественной волей, что христианская религия указывает цель и смысл бытия человеческого рода и отдельной личности⁴⁷. В 1836 г. в письме А. И. Тургеневу Чаадаев утверждал: «Святой дух был всегда духом века, вот что следует понять хорошенько»⁴⁸. Сокрушаясь о негативном историческом опыте России, ее отстраненности от всемирного процесса, парализующем рабстве, философ основывался на морально-эстетических критериях⁴⁹. В 1846 г. он писал: «Мужественное изучение нашей истории неизбежно приведет нас к неожиданным открытиям, которые прольют новый свет на нашу протекшую жизнь; мы научимся, наконец, знать не то, что у нас было, а то, чего нам не хватало, не что надо было вернуть из бывшего, а что из него следует уничтожить»⁵⁰. В целом же философ склонялся к оптимистическому видению исторической перспективы⁵¹. Историческую миссию русского народа он связывал с решением проблем духовно-морального и социального порядка⁵². Исторические идеи и выводы П. Я. Чаадаева, вызвав бурные реакции современников, во многом определили содержание дискуссии славянофилов и западников об исторических судьбах России, оказали значимое влияние на развитие философско-исторической мысли в России с середины XIX в.⁵³ Е. Л. Рудницкая полагает, что усиленная рефлексия о судьбе своей страны в контексте всемирно-исторического процесса «отмечена устойчивым феноменом — нравственным императивом, в котором синтезируется понимание хода истории и долг мыслящей личности, способствующей реализации абсолютных законов бытия». Возникает «теоретическая предпосылка» интеллигентского сознания, «идентифицирующего себя с самой историей». Это обусловило практическую «установку на просвещение» как главное дело интеллигенции, ключ к пониманию ее ментальности⁵⁴.

Вопрос о нравственном смысле истории зачастую освещался в религиозно-философском контексте. Н. А. Бердяев отметил мессианизм «русской самобытной

⁴⁴ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. С. 48, 146.

⁴⁵ Там же. С. 47.

⁴⁶ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 139–140.

⁴⁷ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. С. 49, 66, 77–78; Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. С. 80.

⁴⁸ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. С. 247.

⁴⁹ Чаадаев П. Я. Там же. С. 40–51; Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 150–151.

⁵⁰ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. С. 307.

⁵¹ Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия. С. 35.

⁵² Чаадаев П. Я. Статьи и письма. С. 157; Безлепкина Н. И. Историософская традиция в истории отечественной мысли. С. 153.

⁵³ Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. С. 75–82; Вернадский Г. В. Русская историография. С. 85; Рудницкая Е. Л. Поиск пути. С. 169–170; Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия. С. 33.

⁵⁴ Рудницкая Е. Л. Поиск пути. С. 215.

мысли, пробудившейся на проблеме историософической», задававшей вопросы о том, «что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба»⁵⁵. «Призвание русской мысли» Бердяев интерпретировал в глобальном общечеловеческом плане, как анализ «эсхатологической проблемы конца истории», что и придает русской мысли «характер религиозной философии истории»⁵⁶.

В. С. Соловьев осмысливал историю в религиозном и морально-эстетическом ключе, исходя из принципов софиологии, теургии и эстетики истории⁵⁷. Смысл истории, по его мнению, заключается в «постоянном и несомненном духовном росте человечества», в нравственном совершенствовании «общественной среды». «В человеке природа перерастает саму себя и переходит (в сознании) в область бытия абсолютного», считал мыслитель⁵⁸. «Собственно исторический процесс человечества», по Соловьеву, есть «освобождение человеческого самосознания и постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала»⁵⁹. Смысл духовно-творческой (теургической) деятельности человека заключается в преодолении «греха и смерти». «Достойная и вечная жизнь, которая требуется, но не дается разумом, должна быть добыта духовным подвигом». Соловьев считает, что «смысл человека есть он сам... загадка нового сфинкса — души и любви человеческой — разрешается явлением духовного человека, действительного и вечного царя мироздания. Покорителя греха и смерти»⁶⁰, — утверждает он. Цель истории — богочеловечество.

В труде «Оправдание добра» Соловьев обосновал значение исторического опыта как открывающего «пути утверждения нравственного добра», духовного совершенствования человека. По мнению Соловьева, «исторический процесс есть долгий и трудный *переход от зверочеловечества к богочеловечеству*», а «цель исторического процесса есть откровение Царства Божия, или совершенного нравственного порядка, осуществляемого новым человечеством, духовно вырастающим из Богочеловека». Понятие богочеловечества выступает у Соловьева как историческое. Он осмысливает общую судьбу человечества, а историческую роль России понимает как объединение Запада и Востока⁶¹. Ценность исторического знания мыслитель связывает с «вечной памятью» о прошедших поколениях, с почитанием тех, чей нравственный подвиг служит достижению богочеловеческого идеала, цели «всеобщего воскресения жизни»⁶². Идеи В. С. Соловьева оказали определяющее влияние на историософские взгляды Е. Н. Трубецкого, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и других мыслителей, развивавших идеи об истории как духовно-творческом становлении человечества.

Проблема смысла истории в религиозно-философской традиции получила развитие в контексте смысложизненных поисков. Так, Е. Н. Трубецкой, соотнося

⁵⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 71.

⁵⁶ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 4.

⁵⁷ Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 153.

⁵⁸ Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворение и поэма; Из «Трех разговоров»; Краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. С. 165, 171, 177, 187–189.

⁵⁹ Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве... С. 177.

⁶⁰ Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Там же. С. 369–370, 389.

⁶¹ Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия: избранные школы и персоналии. С. 114.

⁶² Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 2012. С. 291, 296, 302, 308, 321, 328, 377, 391, 559, 569, 571–573, 582, 589.

смысл человеческой жизни с пересечением вертикального (духовного) и горизонтального (земного) мировых путей человеческого бытия, утверждает связь личностного смысла человеческой жизни со «смыслом всемирным», с богочеловеческим процессом, «имеющим целью всеобщее Воскресение, Царство Божие и полноту бытия, благодаря победе над смертью Богочеловека Христа»⁶³. Трубецкой констатирует положение: «или нет вовсе этого смысла, ради которого мы живем, или это, — в самом деле, смысл всемирный»⁶⁴. По мнению философа, историческое время может быть «сознано» в «форме вечности». «Прошедшее и будущее некоторым образом есть» в сфере «всеединого, безусловного сознания». «Вне сознания нет истории», — подчеркивает он. Только «через сознание, сверхпсихологическое, объективное, всеединое сознание, которое содержит в себе все временные ряды», история становится возможной⁶⁵. «Время есть необходимое условие самоопределения твари»⁶⁶. Историческое время и опыт человеческого бытия выступают, таким образом, как ценные ресурсы самореализации человека. Смысл земного человеческого бытия — «субстанциональное и творческое дело» — состоит в «создании собственного своего образа», с которым человек перейдет в вечность⁶⁷. Это обуславливает нравственно-религиозные творческие задачи человеческой жизни и деятельности.

С. Л. Франк также исследовал тему смысла истории в русле определения смысла человеческой жизни, пытаясь разрешить дилемму: «или жизнь в целом *имеет смысл* — тогда она должна иметь его в каждое свое мгновение, для каждого поколения людей и для каждого живого человека, сейчас, теперь же... или же этого нет, и жизнь... бессмысленна — и тогда нет спасения от бессмыслицы»⁶⁸. Наша эмпирическая жизнь может иметь смысл «только в связи с общей жизнью человечества и всего мира». Для этого нужно, чтобы история «была связным и осмысленным процессом», в котором достигается «великая общая и бесспорно ценная цель»⁶⁹. «Человек в своем сознании и познании обладает вечностью», — пишет Франк. Знание способно «обозревать и познавать и бесконечное пространство, и бесконечное время», знание свидетельствует о «наличии в нас начала иного, вечного бытия», о действии в нас «сверхмирной, божественной силы». В познании для человека открывается «сверхэмпирическое бытие» и собственное «внутреннее бытие», высший нравственный смысл единичной человеческой жизни. Такой подход позволяет объяснить с духовной точки зрения многие противоречия истории, трагичность и кажущуюся безуспешность противостояния человека социальному и нравственному злу, обосновать ценность труда и творчества всех поколений человечества. История «становится страдальческим, но разумно-осмысленным путем всечеловеческой жизни»⁷⁰. С. Л. Франк смысл жизни единичной личности связывал с участием ее в мировом историческом процессе, в судьбе родины и народа, в достижении

⁶³ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Трубецкой Е. Н. Избранные произведения. Ростов-н/Д, 1998. С. 80–87, 327–328.

⁶⁴ Там же. С. 80.

⁶⁵ Там же. С. 117.

⁶⁶ Там же. С. 136, 182.

⁶⁷ Там же. С. 117, 335.

⁶⁸ Франк С. Л. Смысл жизни. URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html> (дата обращения: 27.03.2019).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

богочеловечества через духовно-нравственное творчество, служение абсолютному благу.

В работах В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка и других религиозных философов раскрывалось прежде всего духовно-нравственное значение истории как опыта самоопределения человека во времени на пути к абсолютному идеалу богочеловечества, полноты бытия. На первом плане здесь стоят проблемы онтологии и метаистории.

Историософом в полном смысле слова можно назвать Н. А. Бердяева, который в работе «Смысл истории» развивал идеи исторического процесса как осуществления духовной судьбы человечества и науки истории как творческой, преобразующей памяти о прошлом⁷¹. По его мнению, прошлое самораскрывается в «смысловом пространстве настоящего» в разные исторические эпохи по-разному, в соответствии с существующими представлениями о цели и смысле истории. Сущность исторического процесса заключается в постоянном переоформлении сверхисторического содержания жизни⁷². Историю Бердяев понимает как особую «науку о духе», приобщающую нас к «тайнам духовной жизни», духовной судьбы человека⁷³. «Историческое предание» есть «внутренняя историческая память», «одухотворение и преобразование исторического процесса»⁷⁴. Постигая историю, люди приобщаются «к тайнам мира, в котором вечность побеждает тлен и смерть»⁷⁵. История — это «вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия»⁷⁶. Память человеческая, основа истории «есть борьба со смертоносной властью времени во имя вечности», она поддерживает связь времен. В истории преодолевается «дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище», в ней «действует истинное время», в котором «нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим, время ноуменальное, а не феноменальное»; поэтому для истинного исторического сознания важно «установление должного отношения к прошлому и будущему»⁷⁷. История драматична. Мировой исторический процесс существует потому, что «в основе заложена свобода добра и зла, свобода отпадения от источника высшей Божественной жизни, свобода возвращения и прихождения к ней»⁷⁸. Свободу мыслитель интерпретировал как одно из начал исторического процесса⁷⁹. Своеобразие русской историософии Бердяев находил в том, что она апокалиптична, развивает «мысль о конечных исторических судьбах» мира⁸⁰.

Н. А. Бердяев критически оценивал теории прогресса как уравнительную «религию прогресса», приносящую все предыдущие поколения в жертву последующим. Философ убежден, что каждое поколение имеет цель «в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближа-

⁷¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 3–5.

⁷² Кузнецов Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии. С. 154–155.

⁷³ Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 13–14.

⁷⁴ Там же. С. 16.

⁷⁵ Там же. С. 19.

⁷⁶ Там же. С. 45–57.

⁷⁷ Там же. С. 58–60.

⁷⁸ Там же. С. 60.

⁷⁹ Шапошников Л. Б., Пушкин С. Н. Русская историософия. С. 197–199.

⁸⁰ Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 151.

ющих его к Божественной жизни»⁸¹. Творческая работа должна совершаться не во имя будущего, а во имя «того вечного настоящего, в котором будущее и прошлое — едины»⁸². Смысл истории, по Бердяеву, — не внутри нее, а за ее пределами⁸³. История есть «трагическая судьба», которая должна разрешиться в метафизическом плане. Высший смысл истории — достижение Царства Божиего⁸⁴. Н. А. Бердяев глубоко раскрыл духовно-онтологический смысл истории как общечеловеческого процесса, содержание и значение категорий свободы и творчества в отношении истории человечества, значение исторической памяти, хранящей ценный опыт поколений, обеспечивающей связь времен, преодолевающей ограниченность человеческого бытия, побеждающей смерть и придающей смысл человеческой жизни.

Историк и философ Л. П. Карсавин сущность истории тоже объяснял в религиозно-христианском контексте. Но в своей «Философии истории» он уделял много внимания и методологическим вопросам исторического и философско-исторического исследования⁸⁵. По его мнению, «исторический процесс есть процесс Богочеловеческий», движение человечества к Абсолютному. Содержание истории — это «развитие человечества как всеединого, всепространственного и всевременного субъекта»⁸⁶. По убеждению философа, «всякий исторический момент содержит в себе нечто неповторимое и ценное абсолютно». Цель исторического процесса есть достижение «усовершенного тварного всеединства», «обожения». «Без стремления к запредельному идеалу не может существовать сама эмпирия»⁸⁷, — полагает он. «Эмпирическое развитие человечества не растворяется и не теряет смысла своего во всеединстве, моментом которого оно является». Человек содержит в себе все и полнее всего осуществляется «в историческом бытии»⁸⁸.

Карсавин развивал идею свободы истории. По мнению мыслителя, настоящее не детерминировано прошлым. «Историческое развитие отличается свободой и творчеством». Человеческая свобода раскрывается и обосновывается через «индивидуализацию всеединого Абсолюта во всех моментах кажущегося пространственно-временного ряда». Творчество человека заключается «в приобщении к Божеству». Человек не созидает ничего, кроме своей личности посредством свободных духовных усилий⁸⁹.

Высшей задачей исторического мышления, с точки зрения Л. П. Карсавина, является познание «тварного всеединства» как развивающегося субъекта. Познание он определяет «в то же время и как качественное бытия»⁹⁰. Предмет истории — «социально-психическое развитие всеединого человечества». Объект изучения для историка — живая развивающаяся духовно-душевная личность, связанная «с целым раскрытия ее во времени и пространстве». «Субъект исторического по-

---

⁸¹ Там же. С. 143–144.

⁸² Там же. С. 152.

⁸³ Там же. С. 151, 159.

⁸⁴ Там же. С. 181.

⁸⁵ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 15, 23, 30, 81–87, 178, 220–230, 254–260, 274–277, 292–294, 318.

⁸⁶ Там же. С. 78, 88, 335.

⁸⁷ Там же. С. 63, 333.

⁸⁸ Там же. С. 328, 335.

⁸⁹ Там же. С. 334, 336.

⁹⁰ Там же. С. 17, 260.

знания то же, что субъект исторического творчества»⁹¹. История — «наука о жизни», о развитии человечества в целом. Историк «достигает прошлое чрез настоящее и настоящее чрез прошлое» «как непрерывный процесс». Прошлое — это действительность, вспоминаемая настоящим. «Талант историка заключается в умении заставить прошлое говорить громче и отчетливее». «Центр мировой истории и основание истории, как науки» заключается «во всякой познающей историю личности, а через нее в той высшей личности, индивидуализацией которой она является»⁹².

Этический долг историка Л. П. Карсавин видит в том, чтобы «дать свое понимание исторического процесса». Историк должен «в качественности своего личного познания», «выразить процесс развития так, как он индивидуализируется в его личном познании, и оценить его с точки зрения своего индивидуального восприятия исторической усовершенности». «История содержит в себе “уроки” для будущего. И не случайно историческое образование признается полезным для будущего политика», — пишет философ. История, по Карсавину, есть процесс духовного становления всеединого человечества, а историческое познание — это «качественное бытие познающего». Историческая память хранит всеединое бытие. Значение истории велико и для отдельной личности, и для всего человечества⁹³.

Подводя итоги, нужно сказать, что историософская проблематика русской мысли весьма обширна. Философско-исторические и историософские поиски занимали много места в творчестве русской интеллигенции Нового времени. Русскими мыслителями (историками, философами, разными деятелями культуры) осуществлены постановка и обоснование важных проблем исторического процесса и исторического познания. Сделан существенный вклад в философский анализ сущности, факторов, движущих сил, критериев (прежде всего, духовно-моральных), путей всемирного исторического процесса, в раскрытие специфики русской истории, закономерностей развития социальных институтов, науки, искусства, значения духовно-нравственных ценностей. Надо подчеркнуть, что уже с эпохи Н. М. Карамзина в российском обществе прочно утвердилось сознание нравственной ценности исторической памяти. Исследование историософских проблем было одним из приоритетных направлений русской мысли. Рассматривались вопросы о духовной сущности исторического процесса, проблемы метаистории, онтологические и антропологические аспекты истории, вопросы о специфике исторического времени, свободе как метафизической основе истории, социально-исторической роли общественного идеала. Проблема смысла истории исследовалась русскими мыслителями XIX — начала XX в. достаточно разносторонне: и в контексте осмысления исторического процесса (бытия), и в плане анализа специфики и ценности исторического знания. Историки и философы высказали важные идеи о социально-антропологическом и духовно-нравственном смысле истории, о ее влиянии на самосознание и систему ценностей человека и общества. Преобладающее место в русской историософии занимало прояснение судьбы человека в истории. Вопрос о смысле истории часто раскрывался в морально-религиозном контексте, в рамках этического анализа смысла человеческой жизни. Глубоко и последовательно тема смысла истории освещается в религиозно-философских концепциях Н. Е. Трубец-

⁹¹ Карсавин Л. П. *Философия истории*. С. 30, 55–58, 192, 265, 286.

⁹² Там же. С. 323, 255, 277–279, 283, 286.

⁹³ Там же. С. 3, 17, 115, 171, 193, 203, 255, 279.

кого, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина. Огромное мировоззренческое и практическое значение имеет постановка русскими мыслителями вопроса о ценности каждой человеческой жизни в истории. Этот опыт постижения смысла истории актуален и для современных философско-исторических исследований, и для развития гуманитарной мысли в целом.

References

- Bazanov V. G. *Uchenaia respublika. [Vol'noe obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti.]* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 463 p. (In Russian)
- Berdiaev N. A. *Russkaia ideia. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia.* Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 43–271. (In Russian)
- Berdiaev N. A. *Smysl istorii.* Moscow, Mysl' Publ., 1990, 176 p. (In Russian)
- Bestuzhev A. A. O romane N. Polevogo "Kliatva pri grobe Gospodnem". *Dekabristy. Estetika i kritika.* Moscow, Iskustvo Publ., 1991, pp. 133–187. (In Russian)
- Bezlepkin N. I. Istoriosofskaiia traditsiia v istorii otechestvennoi mysli. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofii i konfliktologiya*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 151–164. (In Russian)
- Chaadaev P. Ia. *Stat'i i pis'ma.* Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 623 p. (In Russian)
- Fedotov G. P. Natsional'noe i vselenskoe. *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia.* Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 444–449. (In Russian)
- Florovskii G. V. Puti russkogo bogosloviia. *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia.* Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 272–379. (In Russian)
- Gubin V. D., Strelkov V. I. *Vlast' istorii. Ocherki po istorii filosofii istorii.* Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2007, 330 p. (In Russian)
- Iakovkina N. I. *Istoriia russkoi kul'tury: XIX vek.* St Petersburg, Lan' Publ., 2002, 576 p. (In Russian)
- Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo, book 1.* Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, 528 p. (In Russian)
- Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo, book 4.* Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 544 p. (In Russian)
- Karsavin L. P. *Filosofii istorii.* St Petersburg, Komplekt Publ., 1993, 349 p. (In Russian)
- Kliuchevskii V. O. *Kurs russkoi istorii. Kliuchevskii V. O. Sochineniia, vol. 9.* Moscow, Mysl' Publ., 1990, 528 p. (In Russian)
- Koialovich M. O. *Istoriia russkogo samosoznaniia po istoricheskim pamiatnikom i nauchnym sochineniiam.* Minsk, Rays of Sofia Publ., 1997, 688 p. (In Russian)
- Kondakov I. V. *Kul'tura Rossii, ch. 1.* Moscow, Universitet Publ., 2000, 360 p. (In Russian)
- Koren' E. V. *Idei o smysle istorii v russkoi filosofsko-istoricheskoi mysli Novogo vremeni. Mnogomernost' i polifunktsional'nost' kul'tury: sbornik nauchnykh statei.* Gomel', F. Skorina State University Press, 2020, pp. 45–56. (In Russian)
- Kuznetsov Iu. V. Estetika i teurgii istorii v russkoi istoriosofii. *Ekonomicheskie i gumanitar-nye issledovaniia regionov. Nauchno-teoreticheskii zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 148–156. (In Russian)
- Levitskii S. A. *Ocherki po istorii russkoi filosofii.* Moscow, Kanon Publ., 1996, 496 p. (In Russian)
- Malinov A. V. *Filosofii i metodologii istorii v Rossii.* St Petersburg, Intersotsis Publ., 2015, 380 p. (In Russian)
- Panarin A. S. *Filosofii istorii.* Moscow, Gardariki Publ., 1999, 432 p. (In Russian)
- Rudnitskaia E. L. *Poisk puti. Russkaia mysl' posle 14 dekabria 1825 goda.* Moscow, Editorial URSS Publ., 1999, 272 p. (In Russian)
- Semenov Iu. I. *Filosofii istorii. (Obshchaia teoriia, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei).* Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2003, 776 p. (In Russian)
- Shaposhnikov L. B., Pushkin S. N. *Russkaia istoriosofii: izbrannye shkoly i personalii.* St Petersburg, Russian Academy of Sciences Press, 2014, 464 p. (In Russian)

- Sizemskaiia I. N. Istoriiosofskie istoki i smysly otechestvennoi filosofii istorii. *Philosophical Sciences*, 2018, no. 7, pp. 7–23. (In Russian)
- Sizemskaiia I. N. Russkaia filosofiia istorii v poiskakh tselostnosti istoricheskogo bytiia (pervaia polovina XIX veka). *Philosophical Sciences*, 2012, no. 1, pp. 115–128. (In Russian)
- Solov'ev V. S. *Chteniia o Bogochelovechestve; Stat'i; Stikhotvorenii i poema; Iz "Trekh razgovorov"; Kratkaia povest' ob Antikhrisie*. St Petersburg, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1994, 528 p. (In Russian)
- Solov'ev V. S. *Opravdanie dobra*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Press, Algorithm Publ., 2012, 656 p. (In Russian)
- Trubetskoi I. N. Smysl zhizni. *E. N. Trubetskoi. Izbrannye proizvedeniia*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, pp. 17–336. (In Russian)
- Vernadsky G. V. *Russkaia istoriografiia*. Moscow, Agraf Publ., 1998, 448 p. (In Russian)
- Zen'kovskii V. V. Istoriia russkoi filosofii. *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 379–402. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 июля 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: July 30, 2022

Accepted: October 31, 2022